

УДК 339.7 DOI: 10.14451/1.226.121

Турбулентность глобальной финансовой среды как фактор дестабилизации современной валютной системы: эмпирический анализ

© 2026 Живалов Владимир Николаевич

Доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов. Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ, Москва.

E-mail: dadalyan@mail.ru

© 2026 Дадалян Меружан Мишаевич

Аспирант. Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва.

E-mail: dadalyan@mail.ru

Ключевые слова: мировая валютная система, турбулентность, финансовая нестабильность, дедолларизация, тарифная политика, санкции, доллар США, резервные валюты, волатильность, многополярность.

Статья посвящена анализу влияния турбулентности глобальной финансовой среды на устойчивость современной мировой валютной системы. На основе эмпирических данных МВФ, Всемирного банка и ВТО за 2024–2026 гг. рассмотрены ключевые источники дестабилизации – тарифная эскалация, санкционное давление, волатильность сырьевых и валютных рынков, обоснован вывод о структурной трансформации мировой валютно-финансовой архитектуры.

Направление, в котором сегодня трансформируется мировая валютно-финансовая система (далее – МВФС), имеет решающее значение для развития экономик всех государств. От него зависят доступ развивающихся стран к международным рынкам капитала и стабильность их валют. В настоящее время государства с формирующейся рыночной экономикой сталкиваются с проблемами не только конвертируемости счета движения капитала и выбора режима валютного курса, но и адаптации внутренней финансовой политики к современным методам

управления валютной системой. В основе этих проблем лежит вопрос о том, останется ли современная МВФС неизменной или она будет перестраиваться, чтобы отвечать на вызовы новых центров экономического роста и растущей значимости ведущих развивающихся стран в мировой экономике.

Если ещё до середины 2020-х гг. турбулентность финансовой среды воспринималась исследователями преимущественно как явление циклическое, порождаемое отдельными

кризисами — ипотечным кризисом в США 2007–2009 гг., долговым кризисом еврозоны, пандемией COVID-19, — то к 2025–2026 гг. она приобрела устойчивый, структурный характер, в основе которого лежат фрагментация глобального экономического пространства и эрозия доверия к ключевым резервным валютам [4]. Растущее влияние развивающихся рынков способствует формированию многополярной мировой экономики. Несмотря на усиление значимости развивающихся стран в системе мирового хозяйства, вопрос о том, как будет развиваться МВФС в рамках формирующегося мирового экономического полицентризма, еще не решен. В настоящее время развивающиеся экономики играют гораздо меньшую роль в МВФС, чем предполагает их экономический размер: международные резервные валюты остаются прерогативой развитых экономик.

Актуальность настоящего исследования определяется прежде всего тем обстоятельством, что турбулентность глобальной финансовой среды более не может рассматриваться как временное отклонение от некоторой равновесной траектории развития мировой валютной системы (далее — МВС). Она превращается в перманентный фон, на котором идёт формирование новой, многополярной финансовой архитектуры [5].

Подтверждением сказанному служит, в частности, динамика эффективной средней ставки таможенного тарифа США, выросшей с уровня менее 5% в 2024 г. до значений выше 15% к концу 2025 г., равно как и резкое обострение торгово-экономических противоречий между США и Китаем, в ходе которого тарифы на китайские товары временно достигали отметки 145% [13]. Столь высокая волатильность торговой политики неизбежно транслируется в валютно-финансовую сферу, усиливая неопределённость относительно будущей конфигурации резервных активов и платёжной инфраструктуры.

Степень научной разработанности проблемы следует признать достаточно высокой, хотя накопленный к настоящему времени массив исследований остаётся заметно фрагментированным по отдельным направлениям.

Понятие «турбулентность» как термин, изначально применявшийся в исследованиях природных явлений, сегодня часто встречается в сфере экономических и политологических исследований. Под турбулентностью обычно понимается явление, связанное с переходом от состояния порядка к беспорядку и обратно. Впервые концепция турбулентности в общественных науках, а именно в политологии, была выдвинута американским исследователем Джеймсом Розенау, предложившим концепцию турбулентности мировой политики. Турбулентность мировой политики, с точки зрения Д. Розенау, выражается в ее переходном характере, состоянии, когда старые правила еще не перестали, а новые еще не начали действовать. Сегодня общепризнанным считается представление о стабильности и нетурбулентности эпохи холодной войны. Соперничество США и СССР при всех опасностях перерастания в ядерную войну делало мир предсказуемым и стабильным. Для эпохи холодной войны была характерна определенность в том смысле, что источники глобальных рисков и угроз были известны, а потому просчитать ответ на эти угрозы было достаточно просто.

Так, вопросы дедолларизации и трансформации роли доллара США в международных расчётах подробно рассматриваются в работах А.В. Кузнецова, который обосновывает тезис о структурной кризисогенности доллароцентричной модели МВС и предлагает концепцию финансовой архитектуры многополярного мира как синергии международных расчётов [4; 5].

Проблематике валютно-финансового сотрудничества стран БРИКС и перспективам дедолларизации мировой экономики посвящены публикации С. Р. Эсенбаевой и А. В. Кузнецова [12], Б. И. Прокопенко и С. В. Павловой [7], а также Д. И. Домнина и М. А. Амурской, прослеживающих движение от дедолларизации к мультиполярной валютной системе сквозь призму взаимной интеграции финансовых систем России и Китая [2].

Институциональные аспекты международного разделения труда в условиях глобальной турбулентности исследованы Ш. Ваном [1];

становление мировой платёжной системы и факторы девальютизации финансовой системы России изучались В. И. Чумаковским и М. С. Сафоновым [11], а также А. В. Коршуновым [3].

Прикладные вопросы прогнозирования депозитных и доходных показателей банковской системы в условиях нестабильности нашли отражение в работах А. А. Куриловой и С. Д. Савенковой [6], Ю. А. Суриковой и Е. В. Рябининой [9], а проблематика стратегического финансового менеджмента в условиях глобальной нестабильности — в исследовании А. А. Хашаева [10].

Вместе с тем комплексный эмпирический анализ турбулентности глобальной финансовой среды как самостоятельного и системного фактора дестабилизации МВС, опирающийся на актуальную статистику 2025–2026 гг., до настоящего времени остаётся недостаточно разработанным, чем и определяется научная новизна предлагаемой работы.

Целью статьи выступает эмпирическое обоснование взаимосвязи между ростом турбулентности глобальной финансовой среды и нарастанием признаков дестабилизации современной валютной системы, для достижения которой последовательно решаются задачи систематизации ключевых источников финансовой турбулентности 2025–2026 гг., анализа динамики тарифной политики и её влияния на торговые и валютные потоки, оценки изменения роли доллара США в международных резервах и расчётах, характеристики волатильности сырьевых рынков как канала передачи финансовой нестабильности, а также формулирования выводов о направлениях трансформации МВС.

Методологическую основу работы образуют методы сравнительного и статистического анализа в сочетании с системным обобщением эмпирических данных международных организаций — МВФ, Всемирного банка, ВТО и Банка России; используемая официальная статистика охватывает период 2024–2026 гг., что обеспечивает высокую степень актуальности полученных результатов.

Обращаясь к первому источнику турбулентности — тарифной политике, — следует констатировать, что 2025 г. вошёл в новейшую экономическую историю как год беспрецедентной эскалации торговых барьеров: администрация США инициировала широкомасштабное повышение тарифов в отношении большинства своих торговых партнёров, следствием чего стал существенный рост эффективной средней тарифной ставки [13].

Наиболее острая фаза конфликта развернулась в американо-китайских отношениях, когда в апреле 2025 г. тарифы на китайские товары были повышены до 34%, что в совокупности довело общий уровень тарифной нагрузки до 145% и спровоцировало симметричный ответ Китая в виде аналогичных тарифов и ограничений на экспорт редкоземельных элементов [13]. Последовавшие в мае 2025 г. переговоры в Женеве привели к временной деэскалации — снижению тарифов США до 30%, а Китая до 10%, — причём достигнутая позднее на встрече в Малайзии договорённость предусматривала продление сниженных ставок до ноября 2026 г. [13]. Сопоставимые тарифные барьеры в диапазоне 30–50% были введены и в отношении Европейского союза, Мексики, Японии, Южной Кореи и Бразилии, что свидетельствует о системном, а не точечном характере торговой турбулентности [13].

Воздействие подобной тарифной динамики на устойчивость МВС реализуется сразу по нескольким каналам, в частности неопределённость торговых условий снижает предсказуемость трансграничных платёжных потоков и затрудняет хеджирование валютных рисков участниками внешнеэкономической деятельности, тарифная эскалация подталкивает структурную перестройку торговых маршрутов, отражающуюся на спросе на отдельные валюты в расчётах, и, наконец, формируется устойчивый стимул к диверсификации расчётной инфраструктуры и снижению зависимости от доллароцентричной модели международных платежей [4].

Показательно при этом, что вопреки тарифной турбулентности номинальный объём мировой

торговли товарами за первое полугодие 2025 г. вырос на 4,9% в годовом исчислении – эффект, объясняемый опережающим импортом в преддверии повышения тарифов и растущим спросом на продукцию, связанную с искусственным интеллектом [13], этот на первый взгляд парадоксальный рост стоимостных показателей торговли на фоне политической неопределённости служит характерным эмпирическим свидетельством турбулентного, но отнюдь не рецессионного характера происходящих процессов.

Вторым существенным источником турбулентности выступает эрозия доверия к доллару США как доминирующей резервной и расчётной валюте: анализ структуры мировых валютных резервов показывает, что, хотя на доллар по-прежнему приходится наибольшая доля международных резервов, соответствующий показатель демонстрирует устойчивую понижающую динамику (рис. 1).

Если пик доли доллара в резервах центральных банков был зафиксирован в 2001 г. на уровне около 73%, то к концу 2025 г. этот показатель

опустился ниже 57%, достигнув минимального значения с начала наблюдений МВФ в 1995 г.; в золотовалютных резервах доля доллара сократилась ещё заметнее – примерно до 40% к началу 2026 г., что соответствует минимуму за последние двадцать лет.

Снижение доли доллара в резервах сопровождается параллельным процессом дедолларизации международных расчётов, особенно рельефно проявившимся в странах БРИКС, где доля национальных валют во взаимных расчётах последовательно выросла с 15,6% в 2020 г. до 41,8% в 2024 г. при одновременном сокращении доли доллара США с 53,4% до 30,2%, а доли евро – с 27,5% до 22,4% (табл. 1).

Приведённая динамика подтверждает тезис о структурном, а не временном характере дедолларизации, движимой не только экономическими, но и геополитическими факторами, среди которых особое место занимает инструментализация резервной валюты как средства санкционного давления [12].

Таблица 1. Динамика структуры расчётов между странами БРИКС по видам валют, 2020–2024 гг., %.

Год	Национальные валюты	Доллар США	Евро	Прочие валюты
2020	15,6	53,4	27,5	3,5
2021	18,9	48,7	28,1	4,3
2022	25,7	42,9	26,8	4,6
2023	34,2	36,5	24,3	5,0
2024	41,8	30,2	22,4	5,6

Источник: составлено автором на основе данных международных финансовых организаций.

Особая роль в трансформации структуры международных расчётов принадлежит интернационализации китайского юаня. Так, на фоне санкционного давления взаиморасчёты между Россией и Китаем в национальных валютах достигли к концу 2023 г. отметки 95%, а доля юаня во внешнеторговых операциях России составила 32–37% [4], за этими цифрами просматривается не только адаптация отдельных экономик к санкционным ограничениям, но и куда более

широкий тренд смещения центра тяжести мировой валютно-финансовой системы в сторону азиатского региона [2].

Третий значимый источник турбулентности связан с волатильностью сырьевых, и прежде всего энергетических, рынков, традиционно выступающих важным каналом передачи финансовой нестабильности в валютную сферу. Так, по данным Всемирного банка, индекс цен на сырьевые товары в 2025 г. составил 98,35% от базового

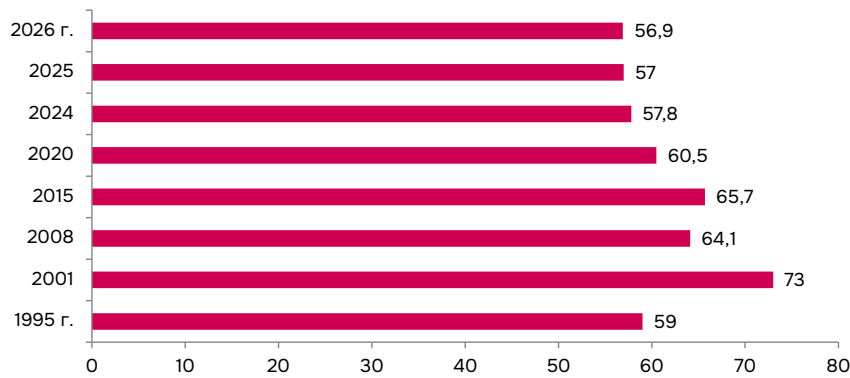

Рис. 1. Динамика доли доллара США в международных валютных резервах центральных банков, 1995–2026 гг., % (составлено автором по данным МВФ).

уровня, оказавшись на 6,5% ниже показателя 2024 г., причём энергетическая компонента индекса снизилась на 11,3% [13].

Рынок нефти в 2025 г. характеризовался умеренной волатильностью с выраженной понижающей тенденцией: после стабилизации цены марки Brent на уровне порядка 75 долл./барр. в начале года решение ОПЕК+ об увеличении добычи в сочетании с тарифным давлением США привело к падению котировок до 60 долл./барр. к началу мая – минимума с февраля 2021 г. [13], а к концу года под влиянием новых санкций против российских нефтяных компаний и избыточного предложения цена Brent опустилась до 62,7 долл./барр., что также соответствует минимальным значениям с февраля 2021 г. [13].

Существенным аспектом сырьевой турбулентности стало «расширение дисконта на российскую нефть сорта Urals относительно эталонных сортов, если в 2024 г. он составлял в среднем 5–10 долл./барр., то в 2025 г. достиг рекордных значений в диапазоне 15–25 долл./барр., что напрямую связано с санкционными ограничениями в отношении крупнейших российских нефтяных компаний» [13].

Средняя цена нефти Urals по итогам 2025 г. сложилась на уровне около 50 долл./барр., то есть существенно ниже бюджетных ожиданий, заложенных на отметке 69,7 долл./барр., а к концу года котировки опустились до 39,18 долл./барр. На этом примере хорошо видно, каким образом

геополитическая турбулентность трансформируется в прямые фискальные риски для отдельных национальных экономик, опосредованно сказываясь на устойчивости их валют.

Заслуживают внимания и параллельные процессы на рынке драгоценных металлов, индекс цен на которые в 2025 г. вырос более чем на 40%, отразив усиление спроса на золото как защитный актив в условиях нарастающей неопределённости относительно перспектив доллароцентричной модели резервирования, указанная тенденция эмпирически подкрепляет гипотезу о переориентации части глобальных инвестиционных потоков от традиционных резервных валют к альтернативным защитным активам.

Четвёртым значимым каналом турбулентности является динамика торгового баланса США, традиционно рассматриваемая как индикатор устойчивости доллара: несмотря на жёсткую тарифную политику администрации, нацеленную на сокращение торгового дефицита, в первом квартале 2026 г. дефицит торговли США со странами Европейского союза резко вырос – на 25,6% по сравнению с предыдущим месяцем, превысив 48 млрд долл.

Сохранение структурного торгового дефицита на фоне ужесточения тарифной политики говорит об ограниченной эффективности протекционистских мер как инструмента стабилизации валютно-финансового положения США и дополнительно подпитывает турбулентность ожиданий участников валютного рынка.

Совокупное действие перечисленных факторов – тарифной эскалации, санкционного инструментария, волатильности сырьевых рынков и структурного торгового дефицита – формирует устойчивый запрос на пересмотр архитектуры МВС. По оценкам Международного валютного фонда, «рост мировой экономики в 2025 г. составил 3,3% и, как ожидается, сохранится на том же уровне в 2026 г., однако подобная макроэкономическая стабильность достигается ценой нарастающей фрагментации торговых и финансовых потоков. Темпы роста мировой торговли при этом, согласно прогнозам МВФ, замедлятся с 4,1% в 2025 г. до 2,6% в 2026 г., что представляет собой прямое следствие тарифной неопределённости» [13].

Немаловажно и то, что турбулентность финансовой среды носит выраженно асимметричный характер, затрагивая экономики развитых и развивающихся стран в существенно различной степени: доля США в мировой экономике сократилась до уровня менее 15%, минимального с 1980 г., тогда как страны с формирующимся рынком и развивающейся экономикой демонстрируют более устойчивые темпы роста, составившие 4,4% в 2025 г. с прогнозом сохранения выше 4% в последующие периоды.

Наблюдаемая дивергенция темпов роста между развитыми и развивающимися экономиками способствует постепенному перераспределению относительного веса различных валют в глобальной финансовой системе, что вполне согласуется с выводами А.В. Кузнецова о «синергичном характере формирования новой многополярной финансовой архитектуры» [5]. Именно в период турбулентности закладываются основы будущего экономического роста. Особенно существенно современных процессов экономической турбулентности является их распространение на всю мировую экономику. Взаимосвязанность национальных экономик, которая сегодня чрезвычайно высока, таит в себе серьезные опасности, поэтому малейшее изменение конъюнктуры в одной стране может отразиться на экономиках других государств.

Проведённый анализ позволяет, кроме того, выявить значимую роль технологического фактора в формировании турбулентности финансовой среды: стремительный рост инвестиций в технологии искусственного интеллекта, наиболее выраженный в Северной Америке и Азии, оказывается едва ли не единственным устойчивым стабилизирующим фактором мировой экономики на фоне торговой и валютной нестабильности.

Объём торговли товарами, связанными с искусственным интеллектом, за «первые девять месяцев 2025 г. увеличился почти на 20% в годовом исчислении и обеспечил 42% общего прироста стоимостного объёма мировой торговли товарами – при том что на данную категорию продукции приходится лишь около 15% её совокупного объёма» [13]. Столь высокая концентрация роста в узком технологическом сегменте усиливает структурную неоднородность глобальных финансовых потоков и создаёт дополнительные риски их волатильности в случае возможной коррекции на рынке технологических активов.

Анализ институциональной реакции на турбулентность показывает, что традиционные механизмы международной координации, и в первую очередь МВФ, демонстрируют ограниченную способность к оперативной адаптации: «несмотря на неоднократные заявления о необходимости пересмотра системы квот и реформирования системы управления Фондом, конкретные решения о перераспределении долей квот в пользу развивающихся экономик принимаются крайне медленно, что снижает эффективность существующей институциональной архитектуры в условиях нарастающей турбулентности» [5].

В этих условиях всё большее практическое значение приобретают альтернативные институциональные механизмы, формируемые в рамках объединения БРИКС, – включая обсуждаемую Трансграничную платёжную инициативу и независимую расчётно-депозитарную инфраструктуру, – рассматриваемые в качестве инструментов снижения зависимости от традиционной

доллароцентричной инфраструктуры международных расчётов [2; 12].

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что турбулентность финансовой среды ощутимо скажется на банковском и депозитном секторе национальных экономик, о чём свидетельствуют «прикладные исследования динамики и прогнозирования депозитных показателей в условиях нестабильности» [6].

Формирование безрисковых доходов в банковской системе при повышенной волатильности валютных курсов и процентных ставок требует пересмотра традиционных стратегий управления активами и пассивами, что нашло отражение в работах, посвящённых источникам и стратегиям наращивания безрисковых доходов кредитных организаций [9]. Отсюда следует, что турбулентность глобальной финансовой среды транслируется не только на макроуровень межгосударственных расчётов, но и на микроуровень функционирования отдельных финансовых институтов.

Подводя итоги, можно констатировать, что турбулентность глобальной финансовой среды в 2025–2026 гг. приобрела системный характер и превратилась в ключевой фактор дестабилизации современной валютной системы.

В настоящее время развивающиеся экономики играют гораздо меньшую роль в МВФС, чем предполагает их экономический размер. Международные валюты остаются прерогативой развитых экономик, а доллар США и евро обладают наибольшим влиянием. Сегодня по-прежнему существует большое несоответствие между ролью развивающихся стран в международной торговле и финансах и их значимостью в международной валютной системе, а использование их валют отстаёт от их растущего значения в мировой экономике. Ни одна из их валют не используется на международном уровне в какой-либо значительной степени. Усилия китайских властей по интернационализации юаня постепенно увеличат использование этой валюты в Юго-Восточной Азии. Но для того, чтобы придать юаню

статус ключевой международной валюты, его интернационализация должна сопровождаться либерализацией счёта движения капитала, гибкостью обменного курса и внутренними реформами, которые способствовали бы развитию ликвидных и открытых финансовых рынков.

С учетом существующих тенденций возникают три возможных сценария развития мировой валютно-финансовой системы. Каждый из сценариев имеет преимущества и недостатки. Сценарий системы валютного полицентризма является наиболее вероятным, поскольку он может создать более стабильную и симметричную валютно-финансовую систему. Этот сценарий зависит от успешного осуществления Китаем и еврозоной финансовых и структурных реформ и управления их фискальной и денежно-кредитной политикой в соответствии с международным статусом их валют. Сценарий формирования системы валютного полицентризма, при котором доллар США теряет свои позиции в качестве доминирующей международной валюты, представляется наиболее приемлемым для России, поскольку он позволит для нее проводить самостоятельную финансово-экономическую политику, не встраиваясь в МВФС, построенную на основе доминирующей роли доллара США и управляемой США системы международных валютно-финансовых организаций.

Эмпирические данные указывают на четыре взаимосвязанные тенденции: устойчивое снижение доли доллара США в международных резервах и расчётах, нарастание волатильности сырьевых рынков, усиленной санкционными ограничениями, сохранение структурных торговых дисбалансов на фоне протекционистской политики и, наконец, опережающий рост альтернативных механизмов международных расчётов, формируемых в рамках объединений развивающихся экономик.

Совокупность названных факторов позволяет заключить, что наблюдаемая турбулентность не является временным отклонением от равновесной траектории, а отражает глубинный

процесс трансформации мировой валютной системы в направлении большей многополярности и диверсификации резервных и расчётных активов [4; 5; 7].

В практическом отношении сказанное означает необходимость выработки национальными регуляторами, включая Банк России, адаптивных стратегий управления валютными рисками, ориентированных на диверсификацию резервных активов, развитие региональных платёжных механизмов и укрепление устойчивости внутренней финансовой системы к внешним шокам [3; 10; 11].

Перспективы дальнейших исследований в рассматриваемой области видятся в количественной оценке устойчивости отдельных компонентов МВС к различным типам турбулентности, а также в разработке моделей раннего предупреждения валютно-финансовых кризисов применительно к формирующейся многополярной архитектуре.

Библиографический список

1. Ван Ш. Институциональные аспекты и социально-экономические экстерналии международного разделения труда // Экономические науки. – 2024. – № 234. – С. 564–570.
2. Домнин Д. И., Амурская М. А. Движение от дедолларизации к «мультиполярной валютной системе» в контексте взаимной интеграции финансовых систем России и Китая // Экономические науки. – 2026. – 1 (254). – С. 361–366.
3. Коршунов А. В. Анализ ключевых показателей девальютизации и их влияние на финансовую систему России // Вестник Академии права и управления. – 2024. – 4 (79). – С. 154–161.
4. Кузнецов А. В. Доллар США как предпосылка кризисогенности мировой валютно-финансовой системы // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 6. – С. 164–174.
5. Кузнецов А. В. Финансовая архитектура многополярного мира как синергия международных расчетов // Проблемы теории и практики управления. – 2025. – № 5. – С. 184–199.
6. Курилова А. А., Савенкова С. Д. Прогнозирование величин депозитов в России // Экономические науки. – 2025. – № 244. – С. 505–511.
7. Прокопенко Б. И., Павлова С. В. Дедолларизация мировой экономики: предпосылки, инструменты и перспективы // Экономические науки. – 2025. – № 251. – С. 175–185.
8. Российская экономика в 2025 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 47). – М. : Издательство Института Гайдара, 2026. – 440 с.
9. Сурикова Ю. А., Рябинина Е. В. Безрисковые доходы в банковской системе: источники, стратегии увеличения и рекомендации // Экономические науки. – 2025. – № 246. – С. 489–492.
10. Хашаев А. А. Стратегический финансовый менеджмент в условиях глобальной нестабильности // Экономика строительства. – 2026. – № 3. – С. 456–460.
11. Чумаковский В. И., Сафонов М. С. Становление мировой платёжной системы // Экономические науки. – 2025. – № 253. – С. 172–181.
12. Эсенбаева С. Р., Кузнецов А. В. Дедолларизация и валютно-финансовое сотрудничество БРИКС // Мировая экономика и мировые финансы. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 62–68.
13. Global Economy: Steady amid Divergent Forces / IMF. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2026/01/19/world-economic-outlook-update-january-2026>.